

ЛУЧШЕЕ ПРИЗНАНИЕ

НА СЦЕНЕ Горьковского драматического театра — «Любовь Яровая» К. Тренева. Что же искал и увидел сегодня в классической советской пьесе театр?

Меняется воплощение, выражение героического в каждую новую эпоху. На заре народной власти «Любовь Яровая» в Малом театре звонко и радостно утверждала победу нового мира. Все было живо, все случилось только что, только что пришла к революции учительница Яровая, только что бежали из Советской России враги. Высокая, торжественная романтика отличала этот спектакль. Еще не время было вглядываться в быт, в конкретные частные события.

Сейчас постановщик спектакля Б. Воронов разглядел в пьесе Тренева и нечто другое. Новый интерес этот театр нашел в деловой стихии революции, в пристальном внимании к будничной работе людей, делавших великое дело. Этот рабочий ритм пронизывает весь спектакль и, главное, те фигуры, которые раньше мы привыкли видеть торжественными, романтичными.

Первое появление комиссара Кошкина (артист В. Кузнецов). И не сразу разгадаешь, что именно это — комиссар, руководитель, легендарный герой революции. Обычный, уставший человек, с добрым простым лицом, в каких-то самодельных, чуть ли не ниточкой подвязанных очках. Сейчас героика этого характера в том деловом напряжении, в том лихорадочном ритме будничной работы для революции, которую Ленин полагал более трудной, чем героика восстаний. И поэтому новым смыслом наполняется сцена чтения Кошкиным повестки заседания революционного комитета. Раньше она неизменно вызывала улыбку в зрительном зале: и количеством вопросов, и грандиозностью поставленных задач, выполнении каждой из которых равнялось бы историческому перевороту. Сейчас же такая повестка кажется

естественной, даже нормальной. Мы уверены: такой собранный, деловой, трезвый Кошкин справится, вытянет, эта работа ему по плечу.

Другой стала и героиня спектакля Любовь Яровая. И здесь сняты торжественные котурны, некоторая романтическая величавость. В исполнении актрисы Л. Дроздовой Любовь Яровая плоть от плоти народа. Она не идет к народу в том смысле, в каком шла к нему некоторая часть интеллигенции, обслуживавшая буржуазию. Яровая Дроздовой и есть народ, потому что и актриса очень верно почувствовала это, она учительница простая, может быть, сельская, никогда не расставшаяся с народом. Революция в крови ее, это смысл ее жизни. И поэтому перед нами не величественная женщина из чуждых кругов, идущая к рабочим, но скромная учительница в белой кофточке, с гладко зачесанными волосами, никогда и не уходившая от своих учеников.

И Швандя, великолепно сыгранный В. Самойловым, здесь необычен. Конечно, это все тот же старый наш знакомец, не унывающий братишка. Но в чем-то сегодня и он не похож на привычные наши представления. Швандя Самойлова очень умен. Так и жажется, что все он знает, что все понимает и лишь в шутку принимает старого ученого Макса Горностаева за Маркса. Это он для поднятия настроения, чтобы веселее работалось людям, шутит, разыгрывает, смеется. Веселье, юмор, вечно хорошее настроение Шванди у Самойлова — это тоже революционная работа.

Такому лагерю революции режиссер уже не мог противопоставить импозантных белых генералов. И хоть идет еще перестрелка, бывает еще, что белые возьмут на день, на два город, но их судьба уже предreshена. И тогда военные отступают в этом спектакле на задний план. Вперед выдвигаются «деятельные». Они лихорадочно распродают Россию —

оптом, в розницу, частями, кусками, в бумагах, в землях, в движимом, в недвижимом. На авансцене не оказываются Елисаветы и бывшая горничная Дунька. Обычно Елисаветы были какой-то пустой, проходной фигурой. Сейчас в исполнении С. Ушакова это именно он противостоит Любви Яровой и Кошкину, какими они сыграны в Горьковском театре. И рядом Дунька Р. Васьуринной, открыто смыкающаяся с Елисаветым. В ней стихия торговли, в ней, обвешанной барским тряпьем, олицетворение хамского мурла мещанина.

Но весь этот мир обречен. Как символ поставлен танец белых. Это танец мертвецов, которые уже не за какие деньги не купят жизни. И «ведет» этот танец машинистка у красных, аристократка Панова, психологически сложно сыгранная Н. Самойловой. В этом образе, как в фокусе, собраны и продажность Дуньки, и спекулятивный пафос Елисаветы, и слепой фанатизм белых генералов.

Спектаклю «Любовь Яровая» в Горьком еще многого не хватает. Сильных интересных характеров из окружения Кошкина, глубокого раскрытия внутреннего мира таких важных для пьесы К. Тренева персонажей, как электромонтер — толстолиц Колосов, предатель сторож Чир, профессор Горностаев. Сейчас все это — лица проходные, безликие.

Но спектакль есть, он живет, развивается. Быть может, самое интересное в нем — зрительный зал, ликующий, взволнованный красотой революционного дела, охваченный ненавистью к врагам молодой Советской России. Такой зал — лучшее признание жизненности советского театра любой классики. Пьесы «золотого фонда», к которым относится и «Любовь Яровая», вновь приходят на сцену и радуют зрителя своим революционным пафосом и образами героев, победивших в Октябре 1917 года.

Вл. ПИМЕНОВ.

Известия, Москва, 1967, 14 апр.